

Евгений СТЕПАНОВ

ИМЯРЕК

Идет, забыв обиды,
Глядит, глядит окрест
Советской Атлантиды
Стареющий адепт.

Глаза сверкают нервно,
Неясность впереди.
Но галстук пионера
Сияет на груди.

Сияет, точно зная,
Как символ давних лет,
Где люди жили, зная:
Бар и холопов нет.

И можно было верить:
Добро сильнее зла.
Без лишний фанаберий,
Спокойней жизнь текла.

Хорошей перспективой
Не брезжит новый век.
...Идет-бредет красивый
Советский имярек.

ЛЮ

Сеть — это сеть, фейсбук не ласков.
Спаси помилуй жить в сети
И ждать, как милостыни, лайков.
Так можно и с ума сойти.

Евгений Степанов (1964) — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1981 года. Печатался в журналах «Нева», «Звезда», «Подъем», «Урал», «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Суть — это суть, до самой сути
Дойти — тщеславье и тщета.
Один живет в тепле, уюте,
Другой сгорает, как щепка.

Смерть — это смерть, и Черной речки
Не избежит большой поэт.
Смерть — это смерть, не даст осечки
Глобальный черный пистолет.

Но жизнь не кончилась покуда,
Еще далек Армагеддон.
Жизнь — это жизнь, я верю в чудо.
Капель звенит: дин-дон, дин-дон.

Пускай пока мертвецким снегом
Покрыта плоть живых аллей,
Свет — это свет, лучится светом
Душа возлюбленной моей.

БАБОЧКА БРЭДБЕРИ

И превращается в мурло	И зреет взрыв, и млеет тля,
Лицо — бессовестно и шустро.	Не обделенная клыками.
— Вранье-предательство-бабло, —	И возмущается земля
Сказал бы нынче Заратустра.	На фене пламенных цунами.

На фоне каменных палат
Растет сорняк невероятный.
А бабочка порхает над
Добром и скверной.

КУЗНЕЦОВ

Кузнецов повзрослел, не перечит
Болтунам, не скулит, точно пес.
Время лечит? Наверное, лечит.
Впрочем, часто калечит — всерьез.

Кузнецов повзрослел и не хочет
Лишних благ, лишних дел, лишних фраз.
И успехов себе не пророчит,
Но живет, как умеет, — сейчас.

Кузнецов повзрослел, и шумиха
Не нужна никакая ему.
Он живет очень просто и тихо
В деревянном своем терему.

ОБ ЭТОМ И О ТОМ

Я в весеннем лесу пил березовый сок...

Е. Агранович

Сколько было в жизни выкрутасов —	Годы ускользающие... где вы?
Неужели я настолько глуп?	Память приключения хранит.
Ведь не пью, как Бари Алибасов,	Кто я был? Студентик из Женевы.
Жидкость для прочистки грязных труб.	Кто я был? Парижский ушлый гид.
Сколько в землю золотых зарыто —	Не сидел я сиднем в теплой норке,
Ничего не выросло потом.	На свою планиду не серчал.
Сяду у разбитого корыта —	Ну, а как годами жил в Нью-Йорке,
Помолчу об этом и о том.	Расскажу, пожалуй, не сейчас.
Страх и горечь сердце оковали.	Все банально. Я искал удачу,
Я устал, и закрома пусты.	Покоряя глянцевою даль.
Я ловил рыбешек в океане,	А теперь... Печальный, чуть не плачу —
А поймал русалочки хвосты.	Времени утраченного жаль.
Так судьба сложилась кочевая —	Нет того, что было мной искомо.
Я увидел этот мир сполна,	Ни в какие дали не хочу.
Каждый раз — на время — получая	Я вернулся. Я отныне дома.
Новые — как страны — имена.	Дома и печали по плечу.

МОЛИТВА

Я смешной и хилый,
Я упал плашмя.
Господи, помилуй
Мя!

Чтобы с новой силой
Быть всегда в пути.
Господи, помилуй,
Господи, прости!

ВСЕ ПРАВЫ

Шанс на триумф, нет забавнее шанса.
Надо спешить, ибо время не ждет.
— Это успех, — говорит Санчо Панса.
— Тягостный грех, — говорит Дон Кихот.

Жизнь не изюм, и нужна передышка.
Без передышки — каюк и кирдык.
— Это привал, — восклицает мальчишка.
— Это провал, — отвечает старик.

Трудно незнайке в компашке всезнаек.
Трудно добиться серьезных побед.
— Это итог, — замечает прозаик.
— Это исток, — восклицает поэт.

СВОЕ МЕСТО

Я сам себе тюрьма...
А. Р.

Я часто наблюдал,
Как битый-перебитый
Вчерашний маргинал
Становится элитой.

Я часто видел, как
Вчерашняя элита
Уходит в полумрак,
Становится забыта.

Константы нет. Я рад,
Что не бежал за модой.
Я понял: первый ряд
Грозит бедой-невзгодой.

Я понял, что свое
Всего дороже место.
Мне по фигу вранье
Условного «Нацбеста».

Я не сошел с ума —
Мне лишнего не надо.
Я сам себе тюрьма.
И сам себе награда.

ЦЕЛЬ

Так есть и будет, времена
Одни и те же год от года.
Цель дурака — конфликт, война.
Цель мудреца — продление рода.

Сон — это жизнь. Жизнь — это сон.
И как показывает опыт,
Цель графомана — микрофон.
А цель поэта — внятный шепот.

Кто тень наводит на плетень,
Тот чушь городит на смех курам.
Цель подмастерья — э т о т день.
Цель мастера — прорыв, футурум.

МОЯ ЖИЗНЬ

Беру свое по праву
И не беру чужого.
И не лелею славу.
Лелею слово.

Проходят дни и ночи —
Щетина поседела.
И стала речь короче.
И не погибло дело.

ДВИЖЕНИЕ

Слава богу, никаких наград.
Слава богу, не с горы, а в гору.
Стихотворный простенький наряд,
Слава богу, впору.

Не имею права на болезнь,
Но имею право на аскезу.
Сам себя я говорю: «Не лезь
На рожон!»

Но лезу, лезу.

НА ЛАДОНИ

Жизнь? И ладно — и маюсь покуда.
Смерть? И ладно — законный удел.
Я не жалею, я не зануда.
Это чудо — я жил, как хотел.

Это нынче я краток и кроток,
А когда-то растрчивал пыл.
И любил худощавых красоток
И красоток потолще любил.

Я по кругу бежал, точно пони,
Но порой выступал как факир.
И учился держать на ладони
Необъятный (и крошечный) мир.